

© И.В. Кузнецов
 Рец.: Zumwalt, Rosemary Lévy.
*Franz Boas: The Emergence
 of the Anthropologist.* Lincoln:
 University of Nebraska Press,
 2019.

Благодаря труду нескольких поколений антропологов, преимущественно из США и Канады, критическое переосмысление наследия Франца Боаса (1858–1942) превратилось для истории науки еще в одну «вечную» легитимную цель¹. Изменение внимания к этой теме можно условно представить в виде синусоиды. До 1950-х годов доминировала апологетика среди еще живших на тот момент боасовских учеников и людей близкого им круга (А. Крёбера, Р. Лоуи, Г. Рейчард, М. Херсковица, Р. Якобсона и др.). Напротив, конец десятилетия, как и 1960-е — 70-е годы, были отмечены публикациями тех, кто усомнился в непререкаемом авторитете «папы Франца», почитаемого как создателя полевого метода (Р. Ронер, Л. Уайт, Ф. Друкер). Другие не оставили без внимания такие неудобные аспекты его стиля, мешающие научным обобщениям, как крайний скепсис и релятивизм (Дж. Бьюттнер-Джэнус, М. Уокс, Х. Кодер, К. Вогелин). Затем, если продолжить аналогию, наступил период подъема — время утверждения истории антропологии как самостоятельной дисциплины; в нее пришли люди (Дж. Стокинг, Д. Коул, Р. Дарнелл), которые надолго определили каноны и ориентиры в изучении не только «исторической школы» в Америке, но и викторианской антропологии, роли Малиновского в Англии и немецкого народоведения от А. Бастиана до «Третьего рейха» на континенте. Поразительно, но к началу 2000-х годов внутри этого направления манифестирована была даже необходимость воскресить некоторые важные идеи «отца-основателя» в виде своеобразного «нео-боасианства» (М. Банзл, Р. Хандлер и др.). Появились вдохновленные

Кузнецов И.В., к. и. н., научный сотрудник ИЭА РАН. igorkuznet@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-6947-244X>.

Для цитирования: Кузнецов И. В., Рец. на: Zumwalt, R.L. Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019 // Антропологии/Anthropologies. 2022. № 2. С 252-258, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/252-258>.

¹ Публикация выполнена при поддержке РФФ (проект № 22–18–00241); организация, осуществляющая финансирование — Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

стокинговским историзмом авторы, перебросившие мостик от боасовской антропологии к российской (И.И. Крупник, С.А. Кан, Н.Б. Вахтин, Д.В. Арзютов, как и автор этих строк). Но дальше наметился спуск — к теме подключилось поколение, вкусы которого вновь стало определять желание переписать все заново. Среди работ нулевых и десятых годов нынешнего столетия нередки такие, которые лучше всего охарактеризовать словами Джорджа Стокинга, записанными мною двадцать лет назад: «[В] Боасе имеется достаточно неопределенности <...>, поэтому он удобен для различных людей, открывающих его с той или иной целью, как это делают многие... большинство антропологов, труды которых не будут читать через пять лет после их смерти, если и вправду их будут читать так долго. Таким образом, остается Боас» (Кузнецов 2018: 278).

Профессор-эмерит Колледжа Агнес Скотт, шт. Джорджия, Розмари Замуолт (Зумвальт), занимавшаяся в основном фольклором сефардских евреев, тем не менее, достаточно рано выступила также и историком антропологии. Будучи еще старшекурсницей в Беркли, она опубликовала интересную работу об Арнольде ван Геннепе, и сразу в официальном органе ААА (Zumwalt 1982). В следующее десятилетие она написала уже книгу о сотруднице (но не студентке) Боаса феминистке Элси Клюз Парсонс (Zumwalt 1992). Рецензенты хорошо восприняли предпринятую Замуолт публикацию рукописи одного из первых афроамериканских антропологов Уильяма Ш. Уиллиса (1921–1983), посвященной пребыванию Боаса в Атланте и его отношениям с другим афроамериканским лидером, социологом и социалистом У.Э.Б. Дюбуа (Zumwalt, Willis 2008). Причем отмечалось (Liss 2010), что ссылки, комментарии и вводные разделы, добавленные самой Замуолт, явно содействовали тому, чтобы «прочтение» Боаса Уиллисом превратилось в часть общей боасовской истории. Сегодня файлы Уиллиса, некогда почти забытого, хранятся вместе с коллекцией документов Боаса в Американском философском обществе (American Philosophical Society).

Но по-настоящему значимым вкладом может стать задуманная и уже почти полностью воплощенная Замуолт новая биография германо-американского классика. Ее книгу «Франц Боас: явление антрополога», не так давно вышедшую, надо воспринимать в русле описанного выше историографического поворота рубежа XX и XXI вв. Р. Замуолт не была замечена Стокингом. Во всяком случае, ее работ не видно ни в издававшейся им, а затем и Ричардом Хандлером монументальной «History of Anthropology/НОА» (Висконсинский университет в Мэдисоне), ни в «History of Anthropology Newsletter» (Чикагский университет). «Явление антрополога» выходит в «Критических исследованиях по истории антропологии» (Университет Небраски) Регны Дарнелл и Стивена Мюррэя, которые подхватили эстафету у великого историка антропологии после его смерти. Оба редактора серии в своем введении готовят читателя к «Розмари Лёви Замуолт сочетается разговорный и читательский стиль с систематической и всесторонней ревизионистской оценкой (account) Боаса и боасовского научного наследия (scholarship)» (Zumwalt 2019: XI). Так ли это?

Во временном отношении написанная ею биография Боаса охватывает события от минденского периода и до 1906 г. — т.е. года, когда тот полностью перешел на работу в Колумбийский университет, порвав с Американским музеем естественной истории (American Museum of Natural History). Но точно

такая же хронология и у блестящей книги Дагласа (Дугласа) Коула «Франц Боас. Ранние годы, 1858–1906 гг.» (Cole 1999), давно ставшей эталоном. Более того, Замуолт «эксплуатирует» примерно те же, что и Коул, сюжеты: влияние на юного Франца матери-фрёбелевской садовницы; обучение будущего антрополога в трех немецких университетах — Гейдельбергском, Боннском, Кильском — и его профессиональные искания; путешествие на Баффинову Землю, эмиграция в Америку; метания уже там в поисках постоянной работы; сотрудничество с исследовательским Университетом Кларка, Колумбийской выставкой в Чикаго, со Смитсоновским институтом, конфликт с У.Г. Холмсом из-за места; ранние поездки на Северо-западное побережье и Джесуповская экспедиция; наконец, работа в AMNH и бегство оттуда. Но, вероятно, по-другому и не могло быть, это все-таки цепь реальных событий, на которые должен опираться всякий биограф. Замечательно другое, Замуолт не менее 180 раз цитируется на своих страницах Коула, привлекая его авторитетное мнение («Коул полагает», «Коул замечает» и т.д.). Названия некоторых глав ее книги выглядят как аллюзии к коуловским, а уже анонсированная вторая часть биографии — «Shaping Anthropology and Fostering Social Justice» возвращает нас к известнейшей стокингской хрестоматии «A Franz Boas Reader. The Shaping of American Anthropology, 1883–1911» (Stocking 1974).

Никаких сенсаций не обнаруживается и в самом содержании, в позиции автора, ее оценках того, что ранее вызывало яростные дискуссии. Вот, например, что у Замуолт говорится по поводу «апокрифической» истории (Херсковиц), привлечшей внимание в 1950-е — 1960-е годы с одной стороны Стокинга, а с другой — боасовских учеников, по-разному смотрящих на способность их учителя к должной реакции на внешние вызовы. Из них Рут Бенедикт настаивала, ссылавшись, как теперь ясно, на «Кредо» самого Боаса, что его тянуло на Баффинову Землю желание продолжить эксперименты с восприятием цвета воды, начатые в Киле, «чтобы изучить реакцию человеческого ума (в данном случае эскимосов — И.К.) на природную среду» (Benedict 1943: 60). Мелвиллу Херсковицу же хотелось подчеркнуть, что именно первое поле сделало начинающего исследователя антропологом, и в подтверждение своего мнения он также нашел соответствующее место в переписке Боаса с дядей Якоби (Herskovits 1953: 9; 1957: 112). На что Стокинг, пожалуй, первым обративший внимание на важность архивов в работе историка науки, парировал сразу серией боасовских писем, в общем-то подтверждающих правоту Бенедикт (Stocking 1968: 137–143), т.е. что Боас плыл в Арктику еще физиком и географом, а антропологом стал намного позже, эмигрировав в Нью-Йорк.

Возвращаемся к книге Замуолт: «Хотя сам Франц Боас этого не осознал, во многом он реализовал свои цели во время путешествия на Баффинову Землю. <...> [О]н обнаружил, что этнография глубоко дополняет культурную географию. Боас не отказался от современной географии: она осталась в его творчестве прочным и формообразующим слоем. Инuitы Баффиновой Земли наглядно продемонстрировали Боасу своими картосхемами, а этнографически и своей повседневной жизнью то, что интеллектуально он познал в Университете Кристиан-Альбрехт в Киле и у себя в кабинете в Миндене: чтобы понять народ, нужно понять его живые отношения с землей. <...> Боас покинул канадскую Арктику в 1884 г., чтобы никогда не вернуться, но будучи навсегда отмечен этим опытом» (Zumwalt 2019: 131).

Видно, что автору не хочется спорить ни с одной из сторон. Отдавая дань Херсковичу, она приводит его слова про необходимость быть гибким исследователю в полевых условиях, что в общем-то согласуется с мнением Кэтлин Кётш (Kötsch), которую она также часто цитирует: мол, адаптируясь к «внешним обстоятельствам», Боас вынужденно корректировал свои первоначальные планы (Там же). Итоговое впечатление — он прошел длительный период поэтапного профессионального становления — и на эту же мысль почти что сразу, с первых страниц, настраивают нас Р. Дарнелл с С. Мюррэм (Там же: XII). Все вполне в стокингском духе, в чем же тут ревизионизм? При этом Замуолт даже не упоминает некоторые ранние боасовские статьи (*Boas* 1889a, 1889b), своего рода маркеры на пути ученого в антропологию, на которые непременно обращали внимание ее предшественники. Точно также она выхолащивает остроту дилемм, куда более актуальных идеологически. Скажем, в истории с гибелью по халатности группы полярных эскимосов, привезенных в Нью-Йорк полярником Р. Пири, где, похоже, Боас повел себя не лучшим образом, автор вместо того, чтобы доследовать ситуацию и опровергнуть или наоборот поддержать обвинения, выдвинутые против антрополога и тогдашней антропологии, нечуткой к судьбам изучаемых людей, просто полагается на «объективное» мнение еще одного уважаемого коллеги — нашего современника Лудгера Мюллера-Вилле (ему посвящена книга), подчеркивающего «сложность того, “как эти события можно оценить и оценивать 120 лет спустя”» (*Zumwalt* 2019: 312).

Все же есть места, где прорывается дух критики. Исследовательница тактично поправляет Коула (Там же: 34): нем. *lauten* (у него *lauter*) *Juden* точнее перевести не «крикуны (или горластые — loud-mouthed)», а «шумные (noisy) евреи». Речь идет о письме Боаса, естественно по-немецки, адресованном родителям из Гейдельберга, и содержащем именно такую характеристику. Для Замуолт смысловой оттенок показался здесь настолько важным, что соответствующая строчка «translation of *lauten Juden* by» под рубрикой «Cole, Douglas» была внесена даже в Указатель в конце книги. В другом случае она указывает, что Коул перепутал название газеты «*Worcester Telegram*» — написал «*Worcester Daily Telegraph*» (Там же: 358, note 23). Стокинг в тексте про участие Боаса во Всемирной выставке в Чикаго, ни на что не сославшись, заключил в кавычки фразу о том, что тот не «следовал хорошо указаниям» (администраторов). Посему неясно, были ли это собственные стокингские слова или цитата кого-то еще. И она тоже это отметила (Там же: 362, note 46). Безусловно, такая «ревизия» очень важна, я сам наткнулся на подобные неточности и у Коула, и у Стокинга. Другое дело, что в сравнении с книгой Коула, историка Северо-западного побережья и Британской Колумбии, у Замуолт — гораздо меньше прорисовок и деталей, связанных с полевыми выездами объекта ее исследования к тамошним коренным народам. Имеется привычный уже сюжет о сотрудничестве Боаса с Джорджем Хантом (квакваквакв), но нет ни единого слова о других информантах, сыгравших важную роль в развитии взглядов ученого в этот период: Чарльзе Калтí (катламет), Генри Тейте (цимшиан) и др. Дарнелл и Мюррэй обращают внимание на то, что Замуолт «разыскивала» свой материал «в архивах по всем Соединенным Штатам», и что большая часть его доселе не известна в англоязычных переводах. Но опять-таки архивных данных гораздо больше использовано в биографии, подготовленной Коулом, в которой один только перечень архивов составляет страницу (30 наименований против 9 у Замуолт). Именно Коула надо признать

пионером в привлечении в «боасиану» коллекций документов непосредственно из собраний Германии (Миндена, Берлина, Киля и др.), а не только немецкоязычной переписки и мемуаристики, доступной в Америке.

Напоследок не могу удержаться еще от одной корректировки. Дом, в котором маленький Франц провел свое детство, Замуолт описывает таким образом (попутно замечу: она зачем-то опускает, что это был не первый его минденский дом; у Коула имеется информация и о предыдущих адресах семейства Боасов — на Шарнштрассе и Кампштрассе): «Нижняя часть дома выходила на Рыночную улицу, напротив армейской гауптвахты; лестница вела на четыре этажа к Опферштрассе в верхнем городе. Так, Франц, три его сестры и кузены <...> могли перебегать из нижнего города в верхний, минуя первый этаж, где размещался семейный бизнес, и выше, через жилые комнаты семьи, на Опферштрассе. На первом этаже у Абрахама Мейера (дяди Франца — *И.К.*) был свой торговый склад и зернохранилище, завершающиеся небольшим двором и Hinterhaus (задним домом)» (Там же: 13).

Но если в наши дни посмотреть из окна отеля «Victoria» (судя по всему, это и была гауптвахта), то у дома по ул. Markt, 14, только что изображенного, не хватает четвертого этажа. Точно также трехэтажным предстает он и на архивном фото (ок. 1840 г.), воспроизведенном в книге «Франц Боас. Ранние годы». В чем же дело? Противоречие снимает как раз описание Коула: «Дом выходил на Рынок; за ним располагался крошечный дворик и Hinterhaus, использовавшийся для торговли зерном. То здание (that building) возвышалось на четыре этажа на Опферштрассе, в верхнем городе. Лестница шла сверху вниз, позволяя мальчику попасть как в верхний, так и в нижний город. <...> [О]ба здания существуют до сих пор, одно постоянно перестраивали, меняя фасады по Рыночной улице, другое пришло в упадок <...>» (*Cole* 1999: 9–10).

Жилище Боасов состояло из двух строений: трехэтажного с фасадом на Рынок и четырехэтажного Hinterhaus. Оба биографа пользовались одним и тем же источником из APS — мемуарами Хэдви́г (Боас) Леманн, сестры Франца. Но невнятность первого описания, допускающая двусмысленность толкования, легко устранима, если видишь все своими глазами.

Итак, работа Замуолт по ряду моментов не только не кажется новаторской, но и зависима от предшествующих ей сочинений, аналогичных по тематике и углу рассмотрения. Однако в ней примерно на сотню страниц больше, чем в книге Коула, при том, что некоторые пункты не только не развиты дальше, а наоборот сокращены или же вовсе опущены. Главное отличие новой биографии заключается в еще большем цитировании в ней боасовских личных документов, что позволяет придать книге флер автобиографичности, вполне в тренде времени. «Мы видим молодого Боаса с его собственной точки зрения» — пишут Дарнелл и Мюррэй, и на этот раз они абсолютно точны (*Zumwalt* 2019: XII). Много такого и у Коула, но для него эмоции составляют скорее фон, на котором разворачивается научная биография его героя. Стокинг посвятил «чувственному» целый выпуск «НОА», но, кажется, тоже стыдился видеть в символических плясках «академиков» зеркало их душ.

И все же ценность «Появления антрополога» Розмари Замуолт, как ни парадоксально, в «традиционности» книги, большей, чем можно было бы ждать, где все «линки» на месте, и причинно-следственные связи по-прежнему под-

тверждаются документально, в условиях, когда, напротив, можно написать, что «на самом деле» Боас был эволюционистом, что общность «квакиутль» была порождена его германо-имперским мышлением, а боасовская текстология коренится в талмудистике и т.д. и т.п. «Таким образом, остается Боас». Дождемся второй 648-страничной части его биографии, выход которой намечен уже на декабрь текущего года. Пока же все предрекает, что это будет в высшей степени интересный оригинальный текст, поскольку известно, что Д. Коул так и не успел подготовить свою вторую часть.

Научная литература

- Кузнецов И. В. «Счет зим». Вымирание коренных американцев и «антропология спасения». В 3-х тт. Т. 3. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018.
- Benedict R. Franz Boas* // *Science, new series*. 1943. Vol. 97. P. 60–62.
- Boas F. On Alternating Sounds* // *American Anthropologist*. 1889a. Vol. 2. P. 47–53.
- Boas F. Die Ziele der Ethnologie. Vortrag gehalten im Deutschen Gesellig-Wissenschaftlichen Verein von New York am 8. März 1888. New York: Hermann Bartsch, 1889b* [Author's English version as "The Aims of Ethnology" // *Boas F. Race, Language, and Culture. New York: Macmillan, 1940. P. 626–638*].
- Cole D. Franz Boas. The Early Years, 1858–1906. Seattle: University of Washington Press, 1999.*
- Herskovits M. Franz Boas. The Science of Man in the Making. New York and London: Charles Scribner's Sons, 1953.*
- Herskovits M. Some Further Notes on Franz Boas' Arctic Expedition* // *American Anthropologist*. 1957. Vol. 59. P. 112–116.
- Liss J. William Shedrick Willis and the 'Ghost of Boas'. Rosemary Lévy Zumwalt & William Shedrick Willis: Franz Boas and W. E.B. Du Bois at Atlanta University, 1906. American Philosophical Society, Philadelphia, 2008* // *Metascience*. 2011. Vol. 20. P. 211–213.
- Stocking G. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. New York: Free Press, 1968* [The University of Chicago Press Reprint Edition, 1982].
- Stocking G. (Ed.) A Franz Boas Reader. The Shaping of American Anthropology, 1883–1911. New York: Basic Books, 1974* [Midway Reprint Edition, 1989].
- Zumwalt R. Arnold van Gennep: The Hermit of Bourg-la-Reine* // *American Anthropologist*. 1982. Vol. 84. P. 299–313.

Zumwalt R. Wealth and Rebellion: Elsie Clews Parsons, Anthropologist and Folklorist. Urbana: 1992.

Zumwalt R. Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.

Zumwalt R.; *Willis W.* Franz Boas and W.E.B. Du Bois at Atlanta University, 1906. American Philosophical Society. Philadelphia, 2008.

Book Review

Kuznetsov I. V. Review of: Zumwalt, Rosemary Lévy. Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019. Anthropologies, 2022, no 2, pp.252-258, doi 10.33876/2782-3423/2022-2/252-258.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

I.V. Kuznetsov | igorkuznet@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-6947-244X> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, researcher

